

НРАВСТВЕННЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОСВЕЩЕНИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КРУШЕНИЯ AIRBUS-321 ШАРМ-эль-ШЕЙХ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Я.С. Палашенко;

Е.Л. Лукьянова, кандидат психологических наук, доцент;

**Н.Г. Винокурова, доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.**

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Рассматриваются проблемы работы со средствами массовой информации специалистов информационных подразделений в случае возникновения чрезвычайной ситуации, на примере трагедии, случившейся 31 октября 2015 г. в Египте. Крушение Airbus-321 авиакомпании «Когалымавиа» вызвало широкий общественный резонанс и волну негодования в общественности относительно работы средств массовой информации.

Ключевые слова: специалисты информационных подразделений МЧС России, психологи МЧС России, средства массовой информации, пострадавшие, катастрофа

ETHICAL AND PROFESSIONAL ASPECTS MEDIA COVERAGE OF THE CRASH OF THE AIRBUS-321 SHARM-EL-SHEIKH – SAINT-PETERSBURG

Y.S. Palashchenko; E.L. Lukyanova; N.G. Vinokurova.

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

Discusses the work with media specialists from information units in the event of an emergency, the example of the tragedy that occurred on 31 October 2015 in Egypt. The crash of the Airbus-321 of airline «Kogalymavia» has caused a wide public resonance and indignation in the public about the media.

Keywords: specialists of information departments of EMERCOM of Russia, psychologists of EMERCOM of Russia, mass media, victims, disaster

В субботу утром (31 октября 2015 г.) в средствах массовой информации (СМИ) появились первые сообщения о том, что пассажирский лайнер Airbus-321 авиакомпании «Когалымавиа», который совершал рейс № 9268 из г. Шарм-эль-Шейха в Санкт-Петербург, пропал с радаров. Долгое время приходила противоречивая информация, однако позже страшные опасения подтвердились – самолёт потерпел крушение. Все, кто находился на борту самолёта, погибли. Всего на борту авиалайнера, включая членов экипажа, находилось 224 человека.

На место крушения прибыли спасатели, которые и сообщили, что выживших нет. Катастрофа всколыхнула всю страну.

На территории аэропорта, куда должен был прилететь аэробус, незамедлительно был создан штаб по оказанию экстренной психологической помощи родственникам пассажиров, погибших при крушении самолета. Специалисты оказывали помощь и поддержку всем, кому она была необходима.

Одновременно к месту событий стянулись крупнейшие СМИ, а также представители блогерских сообществ. Силами МЧС России было организовано информационное сопровождение всех этапов поисковых работ и оказания необходимой психологической помощи родственникам пострадавших. Ведущие СМИ страны и мира своевременно получали информацию. Однако широкий резонанс, который получила катастрофа, повлек за собой желание представителей СМИ узнать как можно больше подробностей не только о погибших, но и о чувствах, переживаемых в самый сложный момент родственниками жертв катастрофы, о мерах помощи и поддержки со стороны государства, невзирая на морально-этические нормы и правила.

Журналисты, пренебрегая рекомендациями представителей пресс-служб, разыскивали родственников погибших, как в аэропорту, так и в интернет пространстве, выискивая новые «интересные» факты о последних минутах жизни погибших. Зачастую, найденная информация искажалась и трактовалась в СМИ новым, как им казалось более интересным способом.

Необходимо помнить, что СМИ зачастую выступают в роли важного фактора социального управления в условиях чрезвычайной ситуации (ЧС), формирования культуры современной личности, что обуславливает необходимость как понимания, так и знания компенсаторных ресурсов СМИ.

Под компенсаторным ресурсом понимается свойство СМИ оказывать положительное воздействие на психоэмоциональное и физическое состояние людей, попавших в зону ЧС. Благодаря СМИ, любая ЧС или стихийное бедствие получают информационно-коммуникативный резонанс, который либо усиливает катастрофичность последствий, либо помогает уберечься от стрессовости фактора, то есть осуществляет своего рода психотерапию социальной сферы.

Современное медиавоздействие порой ставит под сомнение базовые человеческие ценности или форму их реализации. «Интересы нижней части» (страсть к запретному, криминальному, сенсационному) при игнорировании высших интересов часто весьма превратно истолковываются журналистами и приводят журналистику в хаотическое состояние распушенности. Причем процесс этот отмечен неявным течением, невыраженностью причинно-следственных связей, что усложняет его корректировку.

Обратимся к одной из основных ценностей – жизни человека и ее оппозиции – смерти.

Как отмечают многие исследователи, переживание смерти, а потом – своего рода возрождение, обретение жизни заново играет роль своеобразной психотерапевтической процедуры, обеспечивающей интегрирование психики и ощущение катарсиса. Вслед за переживанием смерти мы восстанавливаем способность наслаждаться жизнью и, вместе с этим, стремимся к более успешной самореализации в мире [1].

Нечто подобное, может быть лишь менее интенсивное, переживают и те, кто только что погрузился в чужую – «экранную смерть». После просмотра такой информации интерес к жизни определенно возрастает, происходит смена приоритетов, по новому ощущается смысл собственной жизни, ее значимость. И отчасти именно поэтому усиливается интерес к телевизионной трагедии, желание постоянного продолжения.

Для многих культур характерно представление о смерти как о необходимом продолжении жизни, а публичные сцены насильственной смерти собирали аудиторию с давних времен (коррида, бои гладиаторов, сжигание ведьм). И, тем не менее, сегодня исследователи и практики журналистики оправданно много говорят о том негативном воздействии, которое оказывают на человека материалы о смерти (особенно видео- и фотоматериалы).

Еще в 1905 г. И.А. Сикорский в статье «Чувства, испытываемые зрителем при виде смертной казни» отмечал, что даже «публичная казнь преступника у нормального человека ничего кроме сострадания и глубокого душевного потрясения не вызывает». Остается

представить, что представляет и чувствует человек, воспринимая информацию о трагической гибели большого количества людей, особенно маленьких детей.

Первая, принципиальная с точки зрения психологического здоровья опасность заключается в частоте показов сцен смерти, и это очевидно. Люди на экране современного телевизионного пространства погибают так часто, как не погибали, пожалуй, ни в какие времена [2].

Так, в освещении смерти человека журналист чаще «грешит» десакрализацией, в рассказе о жертвах катастроф или стихийных бедствий – фатализмом, в освещении терактов или последствий вооруженных конфликтов – драматизацией происходящего. В результате наблюдается не только процесс девальвации общечеловеческих ценностей, но и процесс эксплуатации базовых человеческих иллюзий, которые формируются на основе попыток сохранения этих ценностей (бессмертие, победа добра над злом, справедливость, равенство).

Однако это положение вовсе не отменяет тот факт, что аудитория, воспринимая подобную информацию, терпит существенный психологический ущерб. И журналист в таком аспекте должен быть не только человеком, но и профессионалом, умеющим отвечать за результаты своего творчества.

Думается, решение проблемы кроется все же в сфере этики и нравственности, в сфере профессионализма и общечеловеческой культуры. Вспоминается здесь спор двух замечательных актеров – Аллы Демидовой и Иннокентия Смоктуновского. В определении основного качества творца у каждого была своя позиция. «Главное в художнике – это талант», – утверждала Демидова. Смоктуновский возражал: «Главное – доброта и человечность». Наверное, гармоничное сочетание этих качеств может возродить в современной журналистике гуманный подход к освещению реальности – без бульварщины и эпатажности [1].

Весьма непросто брать интервью у людей, которые только потеряли близких, друзей или родственников. Журналисты редко способны понять переживания пострадавших. Общественное мнение осуждает репортеров, которые с микрофоном в руках бесцеремонно выспрашивают горящих. От журналиста во многом зависит, какие именно последствия будет иметь проводимое им интервью. Репортеру, как и врачу или психологу следует придерживаться принципа «Не навреди!».

Информационным подразделениям МЧС России следует четко координировать действия журналистов при общении с родственниками погибших или пострадавших в случае ЧС.

Важнейший определяющий фактор – готов ли пострадавший человек говорить и насколько он в состоянии контролировать ситуацию. Такие вопросы как «Расскажите, что вы почувствовали, когда узнали о гибели сына?», «Как вас тут принимают?» были заданы корреспондентами 1 ноября 2015 г. Они недопустимы.

Блогеры с возмущением пишут о том, как репортеры пользуются приемом, не учитывая чувств пострадавших людей: «Вот упал самолет, люди погибли, много детей сразу, страшная трагедия. В человеческой массе образовалась черная дыра, ткань общей жизни порвалась, нас теперь стало меньше. Больно? Больно. Но не всем... Журналисты берутся за трагедию, засучив рукава, – так мясники подходят к разделке туши – и профессионально, и быстро разбирают ее на требуемые куски. Четыре вопроса, как в учебнике: что, где, когда, почему? Публике особенно интересно, что чувствуют родственники погибших. «Вы родственники? Что вы чувствуете?..» И еще те, кто не попал в самолет, – четверо счастливых, – что они чувствуют? Тоже очень интересно».

Термин «первичная травма» применяется по отношению к лицам, непосредственно столкнувшимся с катастрофой. Он включает в себя как тех, кто пережил или стал свидетелем катастрофы, так и тех, кто потерял близких людей. Рассказ о своей беде журналисту может либо повредить людям, либо наоборот, иметь терапевтический эффект.

Многие родственники погибших в авиакатастрофе имели желание рассказать в СМИ о своих родных и близких, о том какие они были, их увлечениях, что и говорит о том, что интервью для тех, кто получил «первичную травму», является еще одним способом выговориться и поделиться эмоциями с большим количеством людей.

Важнейшим фактором в организации корректного процесса информирования в данном случае является тесное взаимодействие специалистов, оказывающих экстренную психологическую помощь, и пресс-служб МЧС России, что позволит достойно пережить утрату людям, потерявшим близких, и всем окружающим, кто с сочувствием и пониманием воспринимает трагедию.

Информационным подразделениям рекомендуется создание пула журналистов. Данная группа журналистов должна быть заранее проинструктирована психологами МЧС России о правилах общения с пострадавшими. Это позволит минимизировать последствия от некорректной информационной работы в случае возникновения негативной информации в СМИ [3].

Взаимодействие психологов и пресс-службы МЧС России при освещении событий, связанных с ЧС, поможет решить важнейшую задачу – помочь людям справиться с бедой и обрести надежду на будущее.

Литература

1. Шестерина А.М. Психология журналистики. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2010.
2. Винокурова Н.Г., Князева Я.С. Основные подходы и принципы проектирования и модернизации дополнительного профессионального образования специалистов информационных подразделений МЧС России // Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2015. № 3. С. 118–123.
3. Лукьянова Е.Л., Винокурова Н.Г., Князева Я.С. Психологическая защита как ресурс подготовки специалистов по оперативному информированию населения // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2014. № 2 (23). С. 14–17.